ЕЖИ ТУМАНОВСКИЙ

Мой новый бог

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Annotation

Сержант Петров входил в диверсионную группу, которая, используя древние технологии, должна была уничтожить важный опорный пункт инопланетных захватчиков. Но он и понятия не имел, что таинственный прибор, который диверсанты использовали для перемещения в пространстве, может работать и как машина времени.

Гладиатор Квинт видимо умер на арене, поскольку в привычном мире демоны не водятся. Но стоит ли бояться демонов, если ты уже все равно умер?

- Глава 1

Мой новый бог сержант Петров

Глава 1

Квинт

Голубое, выцветшее небо над неистовствующей Ареной.

Яркое солнце слепит глаза. Гул толпы мчится волнами по трибунам. Толпа разогрета и возбуждена зрелищем пролитой крови. В этот раз — моей крови.

Где-то внизу, в подземных клетках рычат тигры и львы. Когда мой труп крючьями проволокут по желтому песку, проворные служители быстро приведут огромный круг Арены в порядок, отсыпая красные лужи чистым речным песком, чтобы выступающие следом венаторы не поскальзывались в грязи.

Толпа вскоре забудет мое имя. Уже к вечеру его не вспомнит и последний бродяга. Ведь модный устроитель игр, вызванный из самого Рима, хитроумный Петроний, заготовил для почтенной публики немало поражающих воображение, сюрпризов.

Что на их фоне, смерть какого-то гладиатора?

Я еще не чувствую боли. Боль придет позднее. Если, конечно, успеет. Ведь огромный мурмиллон выразительно оглядывает трибуны, а его кривой меч упирается остриём в мою грудь. Я чувствую, как стучит изнутри по ребрам тяжкий молот, а под спиной растекается что-то горячее, унося последние силы.

Страха не было. За три года в школе ланисты Флавия любой гладиатор привыкал к мысли, что смерть на Арене — это лучшее, что может случиться с настоящим воином. Но была обида. Завистливые боги подарили победу мурмиллону, хотя сам он ее и не заслуживал. Нелепая случайность отбросила мой гладий в сторону и подставила мою спину под удар фракийской сики. И мой тридцать шестой бой вместо ясно различимой победы, вдруг превратился в торжество везунчика-мурмиллона.

- До-бей! До-бей! - отчетливо скандировали трибуны, вынося мне предсказуемый и окончательный приговор.

Слабеющей рукой, я стащил шлем, подставляя под милосердный удар шею, но этот низкий негодяй решил напоследок покуражиться и лишь надавил на рукоять меча. Изогнутое лезвие медленно вошло мне

в грудь и тогда я закричал, что было сил. Вопреки всем правилам, вопреки здравому смыслу. Ведь молчать мне было легче, чем кричать.

И смолкла толпа, потрясенная неслыханным. Ибо не молил я о пощаде, а отрекался и проклинал всех олимпийских богов разом. И первым, среди прочих — Юпитера, которого всегда чтил больше других, и слал ему регулярно богатые жертвы.

Умирающий мертвец проклинающий бессмертных. Жалкое, постыдное и смешное зрелище. Но толпа не смеялась. Я перевёл мутнеющий взгляд туда, куда неотрывно смотрело человеческое море.

Над Ареной сгущалась тьма, являя смертным величие гнева Юпитера. Страх липкими щупальцами обвалакивал трибуны. Попятился в ужасе мурмиллон, бросив свой кривой клинок. Затихли, затаившись в своих клетках, хищные звери под трибунами, почуяв чудовищную мощь божественной силы. Громко смеялся лишь один человек.

Я.

Чувствуя, как жизнь покидает тело, и ни капли не боясь гнева старшего из олимпийцев, я был наверное единственным, кто видел, как длинные серые полосы начали стирать голубое небо вместе с набежавшими откуда-то черными тучами, стаи птиц, стражников на стенах амфитеатра и даже само ослепительное солнце. И за то, что я все это увидел, боги решили наказать меня самым примерным образом. Черная клякса, похожая на глаз большой кошки, метнулась над Ареной, остановилась, словно зацепившись за мой взгляд и упала прямо на меня.

И отправила прямиком в царство Плутона.

Сержант Петров

Сержант Петров с недоумением смотрел на распростертое тело. Почти полностью обнаженный человек, с глубокой кровоточащей раной на груди, появившийся прямо на полу стрелкового капонира сразу после третьего цикла Решателя, не был похож ни на охранников комплекса, ни на собратьев-диверсантов, а «прибыл», по всей видимости, оттуда, куда установка сбросила избыток энергии. А куда она его могла сбросить, сержант Петров не имел ни малейшего представления.

Он и сам еще не успел отойти от скоротечного боя, во время которого обезвредил двух солдат из числа охраны комплекса. Их

безобразные тела с гипертрофированными буграми мышц и веревками сухожилий, он сразу вытащил наружу — все равно прятаться больше нужды не было. Единственное послабление, которое он себе позволил — снял шлем. Бронежилет, подпаленный плазмой с одного бока, разгрузку с многочисленным кармашками, пояс, гранаты и плазменную винтовку за спиной, несмотря на возможность вполне безопасно отдохнуть около часа, он снимать так и не стал.

Человек слабо зашевелился, застонал и открыл глаза. Из одежды на нем была лишь набедренная повязка, браслеты на рельефных бицепсах, да гнутая металлическая пластина поверх тряпок, привязанная коричневыми ремнями к левой голени. Человек с беспокойством посмотрел на белые светильники, встроенные в куполообразный потолок капонира, оглядел помещение, и с непередаваемым выражением в диких глазах, уставился на сержанта.

Петров отодвинул на всякий случай ногой здоровенный ножик, заляпанный, как и сам человек, темно-красной кровью, озабоченно осмотрел дыру в груди незнакомца, покачал головой и вытащил из переносной аптечки компакт-блок мобильного реаниматора.

- Потерпи, братишка, - сказал он человеку успокаивающим голосом. - Будет, конечно, больно, но зато останешься среди живых.

Тот что-то залопотал на непонятном языке, но сержант Петров приложил палец к его губам и человек послушно замолчал. И лишь в ужасе выпучился, когда Петров поставил ему на грудь цилиндрик размером с кулак.

- Лучше, вообще закрой глаза, - сказал Петров и демонстративно прикрыл свое лицо ладонью.

Человек понял и крепко зажмурился. Реаниматор коротко пискнул, снимая эхограмму с тела раненого, выпустил инъектор, и медленно пополз по груди, впрыскивая под кожу малые дозы обезбаливающего, обеззараживающего, иммуномодулирующего и регенерирующего препаратов. На его боку светился индикатор распаковки концентрированного заменителя крови.

Сержант Петров поднялся, в несколько широких шагов пересек небольшое помещение капонира и выглянул наружу сквозь оружейный порт. Управляющий комплекс, по-прежнему окруженный черной, непроницаемой стеной Решателя, выглядел как логово робота-людоеда из детской сказки. А внутри комплекса до сих пор слышались

одиночные выстрелы — это товарищи сержанта Петрова зачищали остатки охраны. Потом будет установка неснимаемой мины с обратным отсчетом и попытка прорыва к своим на последней, возвратной волне Решателя. И пусть от бравой группы разведчиков-диверсантов осталась лишь четверть, сержант Петров был уверен, что в этот раз победа оправдает все потери последних лет.

Мобильный реаниматор пискнул, прося о помощи и Петров вернулся к раненому. Тот был в сознании и даже робко улыбался, но Петров знал, что умному аппаратику предстоял еще один заход.

- У тебя, похоже, на спине рана, - сказал Петров, разглядывая ровный и аккуратный шовчик на груди незнакомца, где недавно был широкий разрез. - Повернуться надо. Давай помогу.

Человек снова что-то залопотал, но сержант Петров не понял ни слова. И лишь когда вполне отчетливо прозвучало «Марс», удивился и сказал:

- Не знаю, откуда тебя принес Решатель, но здесь точно не Марс. Это старая добрая планетка по имени Земля. А на ней идет традиционное развлечение гомоцапусов — попытка выжить вопреки всем обстоятельствам. А ты, значит, с Марса? Правду, получается, люди говорили, что Решатель никакая не экспериментальная научная установка, а устройство для путешествий между планетами. Ну, извини, что вытащили из дому. Сейчас заштопаю тебя, подождешь немного, а потом Решатель качнет энергию обратно и тебя снова вернет домой. Все у тебя будет в порядке, понимаешь? А вот нам, чтобы вернуться домой, еще придется как следует попотеть.

Квинт

Подземное царство выглядело совсем не так, как я его себе представлял. Вместо ужасного Гадеса, охраняемого трехглавым Кербером, я оказался в просторном атрии с дивными светильниками, пламя в которых светило ярким белым светом и совсем не чадило. И встречал меня не ужасный превратник, а красивый воин в чудных доспехах.

В комнате ощущался дух недавней битвы, да и в том, что передо мной именно воин, хоть и бог, я ни капли не сомневался. И хоть доспехи выглядели незнакомыми, а меча или копья у него и вовсе не было, обмануться было нельзя: воин воина узнает всегда.

Сил уже почти не осталось, но я, даже лёжа, все-таки попытался изобразить поклон, и учтиво сказал:

- Прости, не знаю, как тебя величать, о неизвестный мне воинственный бог Гадеса. Врать и запираться не стану — это я клал хулу на олимпийцев. Вырви мое сердце, если так велит тебе здешний порядок!

Но бог не захотел со мной разговаривать. Вместо этого он сразу вынул из кармана какую-то тварь и посадил ее мне на грудь. Вместо удара меча мне предстояли вечные муки в зубах порождения ночного кошмара! И хоть воин всегда должен быть готов к самому худшему, даже к самой страшной пытке, не стану скрывать: я был благодАрен богу, когда он позволил мне зажмуриться.

Против ожидания тварь не сделала мне больно. Она лишь поползала по мне, щекотно покалывая кожу, а когда я решился открыть глаза, рана на моей груди чудесным образом затянулась, а голова начала проясняться.

- Прости недостойного гладиатора, - сказал я богу, который вновь приблизился ко мне. - Ты, верно, Марс, покровитель воинов? Ты разглядел, что я не всегда был гладиатором и решил помочь мне? Да, я провел немало походов во славу Рима, и хоть теперь я проклятый людьми и богами гладиатор, сердце мое — это сердце солдата!

Бог заговорил непонятно, но я все-таки понял, что это какой-то другой бог, не Марс. А еще понял, что он хочет и дальше врачевать мои раны, теперь уже на спине. Может быть, это какой-то малый бог, помощник Марса, покровитель знахарей на войне?

Уже вскоре я себя чувствовал совсем хорошо. Когда бог снял с меня чудесного врачующего зверя, я приложил руку к груди и назвал свое имя:

- Квинт. А как зовут тебя, великий воин и врачеватель?

И вот тут он, кажется, понял меня. Дружелюбно улыбнувшись, он приложил руку в дивно пошитой перчатке с обрезанными пальцами к своему грудному доспеху и отчетливо произнес:

- Сержант Петров.

- Отныне, я твой верный раб, мой новый бог Сержант Петров, - торжественно сказал я. - И раз мы в подземном царстве, я твой раб навечно! Дозволь мне умереть за тебя столько раз, сколько потребуется!

Мой новый бог Сержант Петров так ласково улыбнулся мне, как не улыбалась верно и родная мать. И я понял, что за этого бога готов снова ринуться в гущу кимров, невзирая на раны, голод и почти полностью истребленный легион за спиной. И не надо мне иной награды, чем эта изумительно щедрая на дружескую теплоту, белозубая улыбка.

Он что-то сказал мне, жестами указывая на маленький закуток, где лежали красивые ткани. Мне показалось, что он хочет, чтобы я лег спать. Сама мысль о том, что в подземном царстве смерти есть лечение и сон, казалась весьма странной, но я послушно пошел и лег, где было указано. И закрыл глаза. Но перед тем, как провалиться в целительную тьму, я сказал своему новому богу:

- Если бы я знал, какой бог-воин ожидает меня в царстве Плутона, я уже давно бы и сам бросился на меч.

Мой новый бог Сержант Петров еще что-то говорил, но я уже даже слов не разбирал и вскоре провалился в целительный сон.

Сержант Петров

Странный парень, назвавшийся Квинтом, выглядел таким простодушным и был так трогателен, что Петров впервые в жизни ощутил странное чувство почти отеческой заботы. Хотя внешне на ребенка здоровяк не походил совсем. Тем более, что его крепкое тело покрывало множество старых шрамов. Откуда вытащила адская машинка Решателя этого чудака, теперь не смог бы сказать никто. Ведь те, кто создавал Решатель, уже не одну сотню лет, как исчезли с лица Земли. И тот факт, что это устройство было найдено, и люди его даже научились использовать, пусть и не по назначению, уже можно было считать чудом из чудес.

Квинт лежал на кровати, предназначенной для охраны капонира, а сержант Петров, обеспокоенный затянувшимся боем, который вели его товарищи в комплексе, нервно ходил от одной стены до другой. Каждый раз, проходя мимо двери, он выглядывал наружу, в холодную безветренную ночь, и прислушивался к установившейся тишине.

Монтаж неизвлекаемой мины не должен был занять много времени. Хотя, если основной сапер группы погиб при штурме, времени могло потребоваться несколько больше запланированного.

- Хуже нет, чем неизвестность, - с мукой в голосе сказал Петров, глядя на засыпающего Квинта. - Эх, сбегать бы, посмотреть в чем

дело... Но нельзя. Я должен сидеть здесь, чтобы задержать подмогу, если Решатель вдруг перестанет работать. Хорошо тебе, наверное, Квинт. Живешь себе спокойно на Марсе, и знать не знаешь, что у нас тут, на Земле, уже сорок с лишним лет идет уничтожение людей, как вида. И сегодня, здесь и сейчас, у нас последний шанс сохранить хотя бы часть своего мира.

Квинт вроде бы и не спал, но смотрел на Петрова мутными глазами. Правда, сержанту уже не было важно, понимает ли его странный почти нагой человек. Возможность выговориться нужна была как воздух.

- Мы даже не знаем, кто они, эти пришельцы, - продолжал Петров. - Откуда взялись и почему уничтожают нас на протяжении многих лет. Сперва мы думали, что они восхищаются нами — ведь они меняют свои тела, делая их похожими на человеческие. Нам и в голову не приходило, зачем им все эти перекачанные мышцы. Вот ты, Квинт, по нашим меркам очень даже крепкий пАрень, но по сравнению с ними все равно будешь выглядеть невзрачно. Так вот, когда они научились нашей речи, вдруг выяснилось, что это такая попытка нас унизить. Мол, мы не умеем пользоваться тем, что дала нам природа. Дико, правда? Вот и мы долго не понимали, да и не верили.

Петров подошел к двери, приоткрыл ее, прислушался.

- Здесь у них устроен пункт связи со своим миром, - продолжал Петров, возвращаясь к своему почти собеседнику. Много наших погибло, чтобы узнать точные координаты этого места. И не знаю, сколько еще рассталось с жизнью, чтобы запустить Решатель. Это древняя штука про которую никто ничего толком не знал. Но оказалось, что она может перебрасывать людей сразу на тысячи километров. Без какой-либо техники. Просто — ррраз! И ты на месте.

Здорово, правда?

Он посмотрел на Квинта, но тот уже спал.

- Хотя, чему я радуюсь? - горько спросил сам себя Петров. - Когда-то человечество колонизировало все внутренние планеты системы и крупные спутники Юпитера. А теперь, мы даже не знаем, что происходит в наших колониях. Ведь у нас есть задача поважнее: убивать неизвестно откуда взявшуюся агрессивную пародию на людей.

Он посмотрел на часы. Прошло уже тридцать две минуты сверх оговоренного времени. Оглянувшись на спящего Квинта, Петров

решительно открыл дверь и вышел на улицу. Черная стена Решателя по-прежнему окружала штабной комплекс.

Вдруг из дверного проема главного здания друг за другом спокойно вышли семь крупных фигур. До них было метров пятьдесят, но несмотря на темноту, Петров отчетливо разглядел голубые и белые пятна формы охраны комплекса, мощные руки и ноги, непропорционально маленькие головы. Чувство поражения буквально перехватило дыхание: ведь все это могло означать лишь то, что все его товарищи погибли, а выполнение задачи теперь стало невозможным.

Не задумываясь, одним стремительным движением, Петров сорвал со спины плазменную винтовку и не целясь, нажал на клавишу пуска. Винтовка никак не отреагировала. Снова и снова Петров жал на предательскую клавишу, но выстрелов так и не было.

Он судорожно заменил магазин, снова поднял винтовку, утопил пальцем клавишу... Ответом ему был лишь издевательский смех охранников.

- Эй, недоумок, - сказал один из них, помахивая длинной черной дубинкой. - Прежде, чем ты подохнешь, хочу увидеть выражение твоей рожи, когда ты узнаешь, почему ваш рейд провалился.

Как и все чужаки, говорил он с характерным акцентом, а жесткие обертоны его голоса вряд ли смоглы бы воспроизвести человеческая гортань. Но говорил он, как и все они, правильно, вполне к месту вставляя жаргонные и ругательные словечки.

Копия хотела, чтобы оригинал признал свою ущербность даже в мелочах.

Петров с отчаянием размахнулся и попытался ударить охранника стволом винтовки по лицу, но тот лишь отступил назад, а его товарищ ткнул своей дубиной Петрова в руку. Получив мощный электрический разряд, Петров выронил винтовку и едва устоял на ногах.

- У нас есть специальное устройство, которое блокирует работу плазмогенераторов на расстоянии до двухсот метров, - продолжал охранник. - Жаль, что мы не успели включить его сразу. Тогда всех твоих дружков давно бы уже раскатали на молекулы.

Он сделал длинный выпад вперед и ударил дубиной Петрова по ноге. Острая боль пронзила колено.

- И не думай, что смерть твоя будет легкой, - сказал охранник. - Слишком быстро мы тебя не отпустим. Пускать огонь издалека может

даже тупой автомат. Покажи нам, что ты представляешь из себя, как биологически завершенный вид?

С яростным криком сержант Петров бросился на ближайшего охранника, но тот просто отмахнулся от него дубинкой да так, что от страшного удара у сержанта все поплыло перед глазами. Удары сыпались на Петрова со всех сторон, а он все никак не хотел падать, из последних сил закрываясь руками и пытаясь хотя бы раз дотянуться до врага. А когда все-таки упал, удары вдруг прекратились и голос одного из охранников с удивлением сказал:

- А это что за клоун?

Квинт

Я проснулся от шума ударов и гортанных воплей. Тело горело, точно в огне, но чувствовал я себя просто замечательно. Даже мелькнула мысль, что не так уж и плохо быть мертвым.

Встал, подошел к двери, приоткрыл, выглянул.

Семеро демонов избивали моего бога Сержанта Петрова. Жуткие чудовища с невиданной мускулатурой могли быть только исчадиями самых темных углов подземного царства. От увиденного у меня перехватило дыхание и даже сердце перестало биться в груди. Но сомнений в том, смогу ли я выйти против бессмертных, даже не возникло.

Быстро осмотревшись, я увидел свой гладий, небрежно отброшенный в сторону Сержантом Петровым. Подбежал, схватил его с великой радостью, проверил лезвие и, обмотанную кожаными шнурами, рукоять. Потом быстро сдернул ремни, освобождая левую ногу от ненужной сейчас защиты. И почти сразу заметил фракийскую сику, что оставил рядом со мной перед моей смертью негодяй-счастливчик-мурмиллон.

Теперь у меня было сразу два достойных клинка — прямой как правда, гладий и коварная, как душа мурмиллона, изогнутая сика.

Я вышел в прохладу раннего утра и поразился количеству звезд, видимых на самом верху чёрного-пречёрного колодца, на дно которого занесла меня смерть. Теперь даже последние сомнения пропали в том, что я оказался в подземном царстве мертвых.

Демоны перестали терзать Сержанта Петрова и уставились на меня. Ну что ж, мой новый бог, я готов исполнить свою клятву, хоть и не думал, что мое время настанет так скоро. Под ногами у меня лежал

привычный плотный песок. Воздух был свеж и прохладен. Идеальное место для смерти.

Я развернул плечи, покрутил слегка кистями рук, привыкая к балансу клинков, и, не торопясь, двинулся на демонов.

Они о чем-то загалдели между собой, потом один из них выступил мне навстречу и что-то пролаял по-своему. Я презрительно молчал, и продолжал шагать прямо на него. Он закричал, наверное думая, что получается у него воинственно и грозно, после чего кинулся навстречу, и попытался ударить меня своей дубинкой по голове.

Я мягко повернулся, уходя от удара, сделал длинный скользящий шаг вбок, и, заметив в последний момент на его груди доспех, наподобие того, что носил сержант Петров, изменил направление удара, и почти небрежно всадил верный гладий демону в шею. Прямо туда, где у человека находится ямка между ключицами. Человеку тут бы и пришел конец, но этот противник оказался намного живучей. Он громко закричал, схватился левой рукой за лезвие, а правой вновь занес надо мной дубину. И я тут же вонзил ему фракийскую сику прямо в подмышечную впадину. Против ожидания, демон захрипел, качнулся в сторону и вдруг завалился на спину, заливая землю темной кровью.

- А ты, оказывается, совсем не бессмертный, - насмешливо, но с удивлением сказал я. - И удар твой, как моча.

Остальные демоны явно не ожидали такого. В их голосах я отчетливо слышал страх и ненависть. Самую упоительную смесь, что может слышать воин в голосах многочисленных врагов.

Струсивших врагов.

Я снова пошел вперед, наступая на них, как рассвет наступает на ночь. Они боязливо отступали, беря меня в кольцо. Под ногами у меня снова был песок, в руках — обагренные темной кровью клинки, а враги своими телами образовали для меня Арену. Я будто снова оказался в родной школе, год назад, когда в ночном тренировочном бою против меня выпустили сразу пятерых гопломахов. Точнее, я сперва думал, что бой тренировочный, и только потом понял, что убить меня пытаются всерьез.

Один из демонов стремительно бросился на меня, видимо надеясь, что я отступлю и попаду под удар его товарища, но вместо этого я косо принял дубинку на гладий, легко сбрасывая мощнейший

удар в сторону, а сикой, встречным выпадом, резанул демона по животу. Доспех защитил его от раны, выпускающей кишки наружу, но удар заставил попятиться и наклониться вперед. Обратным движением сики я ударил его плашмя лезвием по голове, и он полетел назад, точно деревянный тренировочный чурбачок.

Несмотря на темноту, в душе моей занималась заря надежды. Демоны были ужасно сильны, но драться их учили, верно, в захолустном термополии, где кроме пьяных бродяг и бродячих собак, других противников не найти.

Я медленно повернулся, обводя тяжелым взглядом пятерых демонов.

Они кинулись на меня сразу втроем, рассчитывая запугать и смять, но я рывком бросился к тому, что был ближе прочих, подставил руку под его предплечье, не давая ему ударить меня дубиной, нырнул ему за спину, спасаясь от удара второго демона и припав на колено, подрубил сикой колено третьему. Второй шарахнулся назад, но мой гладий вонзился ему в пах и он завизжал на всю округу, как недорезанная свинья.

А вот первый оказался проворнее, чем я ожидал и жуткая боль вдруг пронзила меня от головы до пят. И хоть судороги сотрясали мое тело, упав, я не остался лежать, а откатился в сторону и тут же начал подниматься на ноги. А надо мной уже заносил дубину один из демонов, стоявших до того в стороне. И вместо того, что принять дубину на плечи или спину, я кувыркнулся вперед и и влево, уходя от удара, но в последний момент достал сикой ногу противника. С прекрасным хрустом металл разрубил кость, и вопящий, что есть сил демон, осел на землю в потоках собственной крови.

Можно было не торопиться. Демоны теперь боялись меня гораздо сильнее, чем изрубленные в лохмотья год назад, гопломахи.

Я осмотрел свежую кровь на своих руках, усмехнулся и снова медленно двинулся на демонов. Чуть поодаль с земли медленно поднимался мой новый бог Сержант Петров. Глаза его были круглы, а челюсть от изумления отвисала все больше и больше. Гордость и радость охватили меня. Ведь я смог очень быстро удивить и обрадовать своего бога!

Я даже не знаю, кто на кого кинулся в следующий миг. Просто вокруг мелькали оскаленные лица демонов, а я рубил уже не особо

задумываясь их дубины и доспехи, парируя удары и находя бреши в их беспомощной защите. Отлетали в стороны отрубленные руки и головы, а чудесная броня вдруг стала для демонов маленькой и бесполезной.

Гладий и сика нашли друг друга. Их смертельный танец в моих неутомимых руках был настоящим даром Марсу!

Последний демон, припадая на раненую ногу, попытался убежать. Не задумываясь, я бросил вслед ему свой клинок, точно гигантский метательный нож. Верный гладий с хрустом вошел демону в затылок по рукоять. И время почтительно замерло.

Вокруг не было восторженно ревущих трибун, но я снова ощутил ни с чем несравнимый вкус победы.

Мимо, что-то одобрительно ворча, проковылял Сержант Петров. Я еще раз осмотрел свою Арену и бросился следом — мало ли какие демоны еще могли оказаться впереди.

Сержант Петров

Закладка неизвлекаемой мины не заняла много времени. И теперь они снова стояли на улице в окружении черных стен, созданных Решателем. Правда, уже не таких черных, как раньше. Решатель готовился к последней волне и стены становились все прозрачнее, давая возможность убедиться, что по ту сторону в нетерпении ожидают открытия прохода несколько десятков разъяренных мстителей.

Сержант Петров не боялся смерти, ведь главное дело было сделано. А Квинт так и вовсе, казалось, жаждал возможности вновь устроить безумную мясорубку. Петров оглядел изрубленные трупы и содрогнулся. Кем, интересно, Квинт работает у себя на Марсе? Что же это такое творится сейчас в колониях?

Новая мысль заставила ему посмотреть на стрелковый капонир. В момент, когда Решатель запустит последнюю волну, сброшенная им вовне энергия начнет возвращаться и потащит Квинта обратно. И если встать на то самое место вдвоем, можно даже попробовать улизнуть отсюда вместе с ним.

- Пойдем, быстро! - скомандовал Петров Квинту, и рванул в сторону капонира.

Внутри он легко нашел то место, где Квинт появился неизвестно откуда, по большому пятну крови. Встал точно на это место и знаком

приказал Квинту встать рядом. И почти сразу вокруг заметались черные кляксы, предвещающие поднятие волны.

- Ну что ж, будем надеяться, что нам повезет, - сказал сержант Петров Квинту. - Посмотрим, как там у вас на Марсе. А чем заняться, я, судя по всему, и у вас найду. Солдат — всегда солдат. И везде.

Пространство вокруг дернулось, возвещая, что барьер Решателя пал и толпы чужаков хлынули на территорию комплекса. Квинт словно почувствовал происходящее и встал между дверью и сержантом Петровым.

- Ближе, ближе ко мне! - скомандовал ему Петров, хлопая по плечу. - Нам всего-то несколько секунд продержаться надо.

Дверь в капонир распахнулась и в проеме появилась бугрящаяся мышцами фигура в пятнистом бронежилете на голое тело. А это значило, что быстро сориентировались чужаки. Отборный спецназ диверсантов прислали на помощь охране комплекса. Фактически, это был в некотором смысле коллега сержанта Петрова.

Чужак-диверсант удивленно посмотрел на Квинта и потащил из-за пояса нож, по размерам не сильно уступающий ножам марсианина. И в тот же миг комнату словно начало стирать широкими серыми мазками. Сержант Петров облегченно вздохнул и отсалютовал коллеге-чужаку неприличным жестом.

Черная вьюга хлынула сквозь стены и потолок, и сержант Петров, уже знакомый с эффектами переноса, задержал дыхание и закрыл глаза. А когда открыл, изумлению его не было предела. Они стояли вместе с Квинтом в темном низеньком коридоре. Вдоль одной из стен громоздились клетки с крупными животными. Воздух был пропитан зловониями. А где-то совсем недалеко раздавался очень странный шум, отдаленно напоминавший вечный рокот океанских волн. Судя по радостному выражению лица Квинта, они все-таки оказались у него дома, на Марсе. Но почему в колониях докатились до такой дикости, как содержание животных в нечистотах?

Сержант Петров растерянно озирался по сторонам, а Квинт вдруг закричал что-то по-своему и принялся жестами показывать, что надо следовать за ним. В дальнем углу хлопнуло и в клетке с большим полосатым зверем заворочалась массивная мускулистая фигура в пятнистом жилете. Чужак сумел пройти следом!

Петров оглянулся на марсианина, но Квинт лишь скользнул по врагу равнодушным взглядом и бросился вперед по коридору. Стараясь не отставать от своего спасителя, Петров не оборачивался, а только слушал, как сперва жутко зарычало животное, а потом заорал свой боевой клич вражеский диверсант.

Квинт

Я не верил своим ушам, как не верил своим глазам, но каждый новый удар сердца подтверждал то, во что отказывался верить ум. Вместо подземных угодий Гадеса меня вновь окружал такой знакомый и даже уютный коридор под трибунами Арены. Мой бог Сержант Петров не только вернул меня в мир живых, но и сам последовал за мной. Мне выпала удача, которой вряд ли могли похвастать даже самые легендарные герои!

- Пойдем! - торжественно сказал я богу. - Люди воздадут тебе почести не хуже, чем приходится на долю Юпитера. И Арена готова к явлению бога! Слышишь этот шум?

Глупый демон, явившийся вслед за нами, не обеспокоил меня. Здесь не подземное царство, олимпийцы не допустят, чтобы исчадие смерти творило среди честных людей свою волшбу. Надо было только подняться наверх, туда, где бушевало человеческое море.

Я и Сержант Петров вышли из подземных ворот и оказались под ярко-голубым небом, стремительно очищавшимся от черных туч. Вокруг меня к небу поднимались заполненные людом, трибуны, а посреди Арены торчал как глиняный столб, дурак-мурмиллон.

Это сколько же он здесь простоял?

Заметив нас, толпа замолчала. Словно каждому на трибунах вдруг запечатали рот большой императорской печатью. А трус-мурмиллон и вовсе завыл тонко, по-шакальи, и вдруг стремглав бросился бежать.

Я чувствовал себя, как полководец-триумфатор после покорения очередной провинции. Еще несколько мгновений и толпа должна была взорваться торжествующими криками.

В эти мгновения честолюбивого предвкушения, я даже успел прикинуть, сколько в честь явления нового бога, появится храмов в честь Сержанта Петрова уже к следующей весне.

Безумный вопль восторга пришел на смену всеобщей тишине. Я победным жестом вскинул руки, купаясь в лучах заслуженной славы.

Но что это? Кроме моего имени, толпа выкрикивала имя устроителя игр, хитреца Петрония! Он-то здесь при чем?!

И вдруг я понял. Ровным счетом никто на трибунах не сообразил, что именно произошло. Разве что, мой ланиста, гражданин Флавий, смотрел на меня из своей ложи, как на призрака. Опытный ланиста прекрасно видел, какую страшную рану мне нанес недоносок-мурмиллон. Остальные же решили, что моя смерть и мое воскрешение - это часть сюрприза, заготовленного хитроумным Петронием.

Трибуны зашлись в неистовом вопле восторга. Крики толпы становились все сильнее, но адресовано это было уже явно не нам. Я обернулся.

Из ворот, только что оставленных нами, один за другим выходили демоны подземного царства.

Их было больше трех десятков. Помимо уже виденных мной дубинок и ножей, многие несли в руках металлические диски. Их тела были прикрыты почти такими же чудесными доспехами, как у Сержанта Петрова, и нарядными тканями. Устрашающая мускулатура буквально повергла публику в экстаз. Я отчетливо слышал, как визжат от восторга даже почтенные матроны, а мужчины одобрительно топают ногами и надрывно кричат в ожидании невиданного доселе зрелища. Никто из них не понимал, какое зло пришло в наш мир. Публика думала, что на Арену вышли переодетые атлеты, привезенные тайно хитроумным Петронием.

Демоны с любопытством смотрели на людей и, кажется, ни капли не боялись. Ведь им никто не мешал догнать свою добычу, а добыче просто не осталось путей к отступлению.

Я с надеждой посмотрел на небо. Черные тучи растворились без следа. Ни намека на внимательный взгляд хоть кого-нибудь из олимпийцев. Я затравленно оглядел трибуны и ложи. Демонов слишком много, я не справлюсь, я не смогу, я не...

Сержант Петров вдруг сказал что-то по-своему, но голос его был твёрд и я устыдился мимолетного чувства отчаяния и беспомощности. Плечом к плечу со своим богом, я больше никого и ничего не боялся.

С надсадным скрежетом отворились противоположные ворота. Умница Флавий тоже принял появление демонов, как неожиданный и подлый вызов со стороны Петрония. Из темноты на Арену торжественно двинулись мои боевые товарищи. Засверкали на солнце

мечи, шлемы, щиты и трезубцы. Восемь лучших гладиаторов ланисты Флавия строились за моей спиной в небольшую фалангу.

Душа моя взмыла от счастья в бездонное голубое небо.

Ну что, демоны, посмотрим, сколько на этой Арене настоящих солдат?